

РАЗВЕДКА

41го

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

СВИНЦОВЫЕ СУМЕРКИ

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Художник Борис Аджиев

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Свинцовые сумерки / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2023. — 288 с. — (Фронтовая
разведка 41-го. Боевая проза Тамоникова).

ISBN 978-5-04-190166-0

Немцы готовят план ликвидации Курского выступа — стратегически опасного плацдарма для вермахта. Чтобы получить достоверные данные о действиях гитлеровцев, советское командование забрасывает во вражеский тыл группу разведчиков капитана Глеба Шубина. Бойцам удастся выяснить, какие части и в каком количестве противостоят Красной армии на этом участке. Но на обратном пути группа попадает в засаду. Понимая, что полученные сведения должны быть доставлены в штаб любой ценой, Шубин решается на смертельный прорыв...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-190166-0

© Тамоников А.А., 2023
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ГЛАВА 1

Капитан военной разведки Глеб Шубин замер от неожиданности на пороге домика. Он только прибыл в штаб 6-й армии вместе с остальным пополнением из тыла и был удивлен раздавшимся со всех сторон радостным восклицаниям. Молодой человек прижал ладонь к козырьку фуражки и отчеканил:

— Капитан Шубин, прибыл во 2-ю часть 12-й дивизии 6-й армии...

Его тут же обняла за плечи чья-то рука, в ухо гаркнул веселый голос:

— Ошибаешься, капитан, прибыл ты в 6-ю гвардейскую Краснознаменную армию! Вот! — перед глазами мелькнул желтоватый лист депеши с серыми буквами приказа.

Он успел цепким взглядом выхватить главные слова «Сформировать... Главнокоманду-

ющий Ставки...» и, набрав побольше воздуха в легкие, сказал:

— Поздравляю, товарищи! Рад буду служить вместе с вами!

В ответ одобрительно загудели веселые голоса:

— Вот это по-нашему, по-офицерски!

— Бравый вояка прибыл! Ну-ка, давай, за гвардейскую прими!

Перед лицом в сизом от пыхтящих самокруток и папирос дыму мелькнула облупленная металлическая кружка с прозрачной жидкостью — фронтовые сто грамм. Глеб задержал дыхание, пока жидкий огонь прокатывался по горлу, и выдохнул, когда тепло разлилось в груди:

— За Родину! За победу!

В ответ ему вторили крики «Ура! За Победу!». Вокруг смеялись, говорили, поздравляли друг друга офицеры, служащие штаба, командиры подразделений — небольшая комната была полна народа в гимнастерках, с кружками и походными фляжками в руках. Люди шумели, обнимались, угощали друг друга, звонко чокались металлическими боками посуды, отмечая почетное звание. В Красной армии ведь «гвардейская» означает, что во-

енная часть является образцово-показательной и особое звание получила за мужество, героизм и воинское мастерство, проявленное в сражениях с врагом.

В открытые окна лился потоком аромат сирени, которая белела пышной пенной волной вокруг уцелевшего здания сельского клуба, добавляя маленькому празднику мирные нотки. Деревенские мальчишки облепили крошечное крыльцо и пристенки клуба, пытаясь по звукам определить, что за торжество проходит у военных, которые расположились в их поселке. Улыбки, радость переполняли грудь от ощущения близкой мирной жизни. Казалось, вот-вот будет победа, осталось совсем немного, еще чуть-чуть, и враг освободит многострадальную советскую землю. Под Сталинградом Красная армия разгромила гитлеровские войска, заставила остановить свое кровавое наступление, развернуться и бежать прочь с огромными потерями. И это переломило ход сражений, дало ощущение уверенности, что они смогут защитить свою Родину. Теперь Советский Союз километр за километром возвращал себе захваченную врагом землю, отвоевывал, вырывал из лап фашистов каждый город, деревню, село. Приятная мысль

о скорой победе кружила голову сильнее, чем глоток фронтового спирта или пряный запах цветущей сирени.

Глеб Шубин втянул во всю мощь легких густой аромат сирени, протянул руку и сорвал за окном ветку в мелких нежных лепестках. Пальцы ловко воткнули гибкий стебелек в тугой узел черных кудрей стоящей рядом радистки. Та в ответ на хулиганскую выходку только тепло улыбнулась и приладила неожиданный подарок в глубину черных волос. Они снова обменялись теплыми улыбками без единого слова, отчего у женщины защемило в груди — как же он счастлив сейчас, живой молодой человек, а не опытный капитан фронтовой разведки, который повидал много за три года войны.

На спину в пыльной после дороги гимнастерке легла вдруг тяжелая рука, низкий бас прогудел прямо в ухо:

— Капитан Шубин, генерал Ростов. Твой командир, поздравляю с прибытием.

Глеб, мгновенно вернувшись в реальность прифронтовой территории, сунул руку в нагрудный карман за документами:

— Товарищ генерал, вот документы. Извините, только зашел, а тут праздник. Потерял бдительность.

Генерал-майор Николай Ростов, высокий мужчина с острыми стрелками усов над узкой верхней губой, лишь кивнул в ответ. Болтать он не привык, военная специальность приучила его чаще молчать и приглядываться к собеседнику, высматривая в чужих жестах, манере разговора характер и помыслы нового подчиненного. Коротким движением головы Ростов позвал капитана за собой, подальше от веселой компании в штабе части. Они прошагали за дом, и деревенские ребятишки, увидев их, словно воробьи, рассыпались в разные стороны. Военные свернули по утопанной дорожке между уцелевших изб, потом спустились вниз по склону и оказались у большого деревянного строения, которое раньше служило огромным хранилищем колхозного урожая. Сейчас здесь висело грязно-белое полотнище с красным крестом — санитарный пункт военной части, расположившийся внутри и вокруг хранилища. Рядом с дверью стояли ведра с водой, лежал ворох окровавленных перевязок, приготовленных к стирке. Здесь не было слышно смеха, радостных поздравлений. Было тихо и мрачно.

Перед тем как толкнуть дощатую дверь, Ростов наконец внимательно посмотрел

в уставшее запыленное после дороги лицо разведчика:

— Капитан, времени на объяснения нет. Сейчас сам поймешь, почему так говорю. Внимательно слушай и запоминай.

Он шагнул в глубину полумрака, осторожно придерживая дверь, за ним проследовал Глеб, всматриваясь в белые пятна вокруг. Когда глаза привыкли к темноте, он увидел, что в хранилище лежат люди — раненные полевого госпиталя. Они лежали на самодельных лежанках из досок, кучах старой соломы и были укрыты одеялами или простынями. На некоторых полотнищах проступили кровавые разводы от страшных ран, но никто не стонал и не кричал. Изувеченные бойцы терпеливо лежали, сжимая зубы, чтобы вынести терзающую раны боль. Санитарка в застиранном переднике метнулась к генералу Ростову:

— Быстрее, быстрее же, плоха она совсем.

Командир молча кивнул и в три быстрых шага оказался в углу, где под гимнастеркой в багровых пятнах лежала девушка. Черные волосы скатались в колтуны с кусками сухой травы и грязи, бледное личико запрокинулось, даже под толстым сукном было видно, как ее маленькое тело ходит ходуном от тяжелой ли-

хорадки. При звуке шагов больная открыла блестящие черные глаза. Глеб вдруг с ужасом понял, что перед ним совсем ребенок, девочка лет тринадцати. Генерал с нежностью провел по волосам девочки и поправил сползающую накидку:

— Варя, я — Николай Ростов, командир разведподразделения. Со мной разведчик, капитан Шубин. Врач передал мне, что ты хочешь что-то рассказать.

Сухие губы прошептали еле слышно, так что мужчинам пришлось наклониться почти к самому рту Вари:

— Сбежала я, сбежала из Ивни, где у фашистов штаб. Они меня посудомойкой взяли при столовой, год на них работала, сестренка и мать кормить надо было. Я по-немецки понимаю, мама научила по учебникам. Они промеж собой разговаривали про «Цитадель», готовится операция. Так ее называют фрицы — «Цитадель». Рубежи строят, дайте карандаш, я нарисую план.

Ростов щелкнул планшетом, зашуршал бумагой. Девочка на секунду прикрыла глаза, чтобы передохнуть. Ее грязные пальчики в ссадинах и коростах вдруг нащупали крепкую ладонь Шубина, она с трудом прохрипела:

— Маму я бросила и сестренку, неделю шла по лесам. К нашим выходила. Мама меня отправила, она сказала, что важно это. Пропитадель. Нельзя немцам дать обратно развернуться.

По горячей коже, тяжелому свисту в груди после каждого слова Глеб понял: у девочки воспаление легких, ее хрупкое тело сейчас мучает страшная ломота и лихорадка, выкручивая кости, затемняя сознание. И все же она через силу говорит, тратя последние капли жизни на важную информацию:

— Я долго шла через лес, днем пряталась, а ночью шла. Самолеты бомбили, и мне железка вот сюда прямо в бок попала, — на глазах у нее выступили слезы. — Больно так, как горячим углем прижигает. Быстрее карандаш давайте, помру я, наверное. Нарисую, что видела.

В пальцы девочки лег химический огрызок, Шубин подхватил планшет и пристроил на нем лист:

— Давай, Варя, ты говори, я буду помогать рисовать.

С трудом появилась первая линия, потом вторая. Девочка выдохнула:

— Это в документах было у немцев, я посуду, когда собирала, успела рассмотреть. Возле Ивни строят укрепления, аэродром между Белой и Ракитным. — На белых губах выступила кровавая пена, но девочка продолжала говорить, вцепившись изо всех сил в карандаш. — Тут вот ящики какие-то сложили, мы ночью с мамой сходили прочитали надписи — это тротил. Немцы хотят идти на Курск. Это точно, я всю неделю слушала их разговоры, они при мне не боялись говорить. Думали, дурочка деревенская.

По лбу покатались крупные капли пота, каждое слово давалось Варе все с большим трудом, она на глазах теряла силы. Ростов бросился в соседнюю комнатку, где гремели инструменты и звучали короткие отрывистые приказы врача. Он схватил за плечо хирурга в окровавленном переднике:

— Доктор, девочке, которую в лесу нашли караульные, помогите ей. Ей совсем худо, надо спасти. Что надо — сахар, еды, хлеба? Как ей помочь? Нельзя ей умирать, она же линию фронта перешла, она — важный источник информации о германской операции. Помогите ей!

Врач покачал головой, глаза под очками стали печальными. Он тихо объяснил:

— Поздно, воспаление слишком сильное. Никакие лекарства не помогают, операция тоже не спасет. У нее серьезное ранение легкого, рана инфицировалась, пока она шла через лес. К сожалению, никаких шансов выжить. Мы больше ничем ей помочь не можем.

Когда Ростов шагнул обратно к кровати Вари, Глеб сжимал маленькую ладошку и кивал. По лицу его текли непрощенные горькие слезы от того, что Варвара уже почти в забытьи повторяла одну и ту же просьбу:

— Маме помогите, сестренкам. Помогите. Освободите от немцев дом мой, прогоните фашистов.

Багровые пузырьки закипали в уголках рта, от каждого произнесенного слова девочка захлебывалась собственной кровью и все же продолжала умолять, не отрывая черных огромных глаз от лица разведчика:

— Помогите им, освободите нас от фашистов. Прогоните немцев, обещаете?

— Я обещаю, милая, обещаю. Ты такая молодец, ты смелая. Ты нам очень помогла. Я обещаю, маме твоей расскажу про твой по-

двиг, всем расскажу. Я... все сделаю, освободим, мы поганой метлой их выметем.

Варя мелко задрожала, выгнулась от жгучей невыносимой боли, рвущей ее изнутри, и вдруг обмякла. Тонкие руки вытянулись вдоль тела, лицо разгладилось от гримасы боли, широко распахнутые глаза застыли, глядя в одну точку. Смерть забрала молодую жизнь.

Шубин медленно, словно во сне, собрал планшет, лист со схемой и карандаш. Сбоку промелькнула жилистая женская рука, она сноровисто прикрыла веки умершей девочки:

— Ну все, отмучилась бедняжка. Варюша так вас ждала, повторяла без конца, чтобы разведчиков позвали. Ноги в кровь стерла, по лесам шла до нас. — Санитарка, прощаясь с девочкой, погладила черные пряди и, приподняв полу шинели, прикрыла навсегда окаменевшее личико.

Генерал Ростов, тяжело ступая, вышел из госпиталя, прошел несколько метров и остановился. Рядом в молчании замер капитан. Они оба смотрели на приоткрытое окно стоящего на взгорье клуба, где все так же мелькали радостные лица, звенели голоса. Вот промелькнули черные волны волос с белым